

Автопсихография

Поэт — лишь притворщик, не боле.
Освоив притворщика роль,
Он делает собственной болью
Притворством рожденную боль.

И те, что внимают поэту,
Боль в строчках, приятную им,
Найдут, но не ту и не эту,
А ту, что придет к ним самим.

Вот так закольцованным рейсом
По правилам детских причуд
Бежит круг за кругом по рельсам
Тот поезд, что сердцем зовут.

Коль все на свете ложь, скорей всего

Коль все на свете ложь, скорей всего,
Скорей всего, ложь — все, что в мире есть.
Из ничего и выйдет ничего**,
А ничему ни с чем концов не свести.

Вот и выходит, выдумкой живя
Иль верую, что, в сущности, одно,

* **Фернандо Антониу Ногейра Пессоа** (по современным правилам транслитерации с португальского — **Фернанду Антониу Ногейра Песоа**, 13 июня 1888 года, Лиссабон, Португалия — 30 ноября 1935 года, там же) — португальский поэт, прозаик, драматург, переводчик, мыслитель-эссеист, лидер и неоспоримый авторитет в кружках лиссабонского авангарда, ставший посмертно из непризнанного одиночки символом португальской словесности нового времени (Википедия).

** В оригинале — *De nada nada se tira* (дословно: «Из ничего извлекается ничего»). Перевод на португальский латинского выражения *Ex nihilo nihil fit*. Слова древнеримского поэта-философа Лукреция (98—55 до н. э.), содержащиеся в его сочинении «Природа вещей», в 1-й и 2-й книгах.

Выдумываю то, чем счастлив я,
А если нет, что счастлив все равно.

И что уменье жить, иных черта, —
Уменье жить, не мучаясь ничуть.
Но вянет роза на ветвях куста
Подобно той, что украшает грудь.

Дорога — все, что дорого тебе,
Пускай в остатке пыль да крапива.
Лишь только б дать исполниться судьбе,
А там уже и не важны слова.

Ничего не говори!

Ничего не говори!
Все, что нам сегодня надо, —
Помолчать немного рядом.
В мире птичьих голосов
Все понятно и без слов,
С полувздоха, с полувзгляда,
С полутрепета внутри
От тепла ли, от прохлады...
Ничего не говори!

Может, завтра все иначе
Будет, как и быть должно...
Что ж, наверно, не заплачу,
Просто посмотрю в окно.
На закат, который начал
Был вчера строкой зари...
Что ж, подальше в память спрячу
День вчерашний — на удачу.
Ничего не говори!

О, одиночество, судьба моя

О, одиночество, судьба моя,
Ты утолило все мои печали.
На сердце так легко, как будто я
Имею все, что получить не чаял.

Мне ведомо неведомое вам,
Я вижу, как в плевелах зреют зерна.
Идущим из глубин души словам
В моих стихах, как путникам, проторно.

Господь! Даруют небеса в тиши
Терпение к судьбе и силу духа.
Так дай же одиночество души
В тот миг, когда земля мне станет пухом.

Как жаль, что мне тебе ответить нечем,

Как жаль, что мне тебе ответить нечем.
Но не моя вина, в конце концов,
В том, что любовь — движение навстречу,
А я идти навстречу не готов.

Во мне, как и в любом, столпотворенье:
Мыслитель, дурень, циник, нелюдим...
Не человек, а недоразуменье —
Сторонним часто я кажусь таким.

Всего, что я в себе не понимаю,
Одним объятьем нежным не объять.
Я сам себя порой не принимаю.
Так как же мне любовь твою принять?

Между лунным светом и деревьями

Между лунным светом и деревьями,
Между верой в то, неверьем в это
Трепещу, как предки мои древние,
Меж деревьями и лунным светом.

Путь обратный перечеркнут кедрами,
Путь вперед — его почти что нету
Между тучами и смутным временем,
Между прошлым и душой измученной.

Тени снов сплошною стали теменью
Между смутным временем и тучами.
Бессловесным трепещу растением,
Тишиною над речной излучиной.

Позолотило солнце снег

Позолотило солнце снег,
Лежащий на вершинах горных,
Из рощиц, сел, дорог и рек
Узор сплетая иллюзорный.

Каким ничтожным видишь ты,
Холодный пик, пространства гений,
Наш мир, где столько высоты,
Вершин и дерзких восхождений!

Что за мука злая скука!

Что за мука злая скука!
Стоит сердце распахнуть
Ярким краскам, громким звукам,
Вновь тоска сжимает грудь.

Что за хитрое удушье
Равнодушие ко всему!
Стоит вере тронуть душу,
Тут же катится во тьму.

Что за сущая обуза
Сущность брменная моя!
Сны о счастье с милой музой,
Даже их не вижу я.

Утрачу зрение и слух

Утрачу зрение и слух,
Прерву натужное дыханье,
Отправлю свой мятежный дух
В путь абсолютного познания.

Пусть за чертой добра и зла,
За крайней кромкой небосвода,
Увидит, как Земля мала
Для тех, кто рвется на свободу,

Кому назначено судьбой,
Познав сомненья и соблазны,
Быть мыслью, то есть быть собой,
Непредсказуемым и разным, —

Искать в обрывках бытия,
В сомненьях, горестях, соблазнах
Суть человеческого «я»,
Суть многих «я», суть самых разных.

А вот и грешная душа,
Как прежде, неисповедима.
Она уходит не спеша,
Чтобы судить и быть судимой.

Она, как море, глубока.
Она бескрайней небосвода.
Но в ней обида и тоска,
Неверье, боль и несвобода.

Она в обрывках бытия
Должна искать, мелка и пуста,
Суть человеческого «я»,
Суть многих «я», суть самых разных.

Но вот загадка — в трудный час
Душа выходит на дорогу,
Не зная, где она сейчас,
И все равно приходит к Богу.

Вот так и я принять готов
Твой трудный путь, Творец отважный.
Тебе не нужно было слов,
А мне нужны. А так все так же:

Искать во всем, что встретишь, суть
Божественного единенья,
Покуда не согреет грудь
Предчувствие стихотворенья.

Тот свет, точнее тот мрак глухой

Тот свет, точнее тот мрак глухой
Мне ближе стал.
Быть всем, но только не собой
Я так устал.
И Бог не говорит со мной
Ни по душе, ни по уму.
Мой тайный рай,
Где славно пелось одному,
Прости-прощай,
Пора брать посох, выбирать суму.

Лицемер, я хочу быть свободным

Лицемер, я хочу быть свободным
От религии, долга иль синекуры,
Одиноким не потому, что так модно,
Нелюбимым в силу своей натуры.
И если я пою о том, во что действительно верю,
И оплакиваю каждое ушедшее мгновенье,

Значит, мои обретенья — это мои потери,
А мое оправданье — это мое осужденье.

И от себя самого уходящий все дальше,
Я обретаю музыку в проветренном пространстве.
И вот уже бродяга-душа, душа без фальши
Сама по себе становится песней странствий.

Плывут по течению люди

Плывут по течению люди,
Целые вереницы,
Этот удачливым будет,
Тот поменяет платье,
А этот хитрее лисицы.

Я там никому не ведом,
И сам никого не знаю.
Не лучше того, кто следом,
Тоже меняю платье,
Живу себе поживаю.

Плывем по течению вместе,
В одной бесконечной ватаге.
У каждого дом иль поместье,
И каждый меняет платье,
Но все в одиночестве наги.

На свободу от прошлых ошибок

На свободу от прошлых ошибок!
На свободу от прошлых мечтаний.
От всего, что просрочено, ибо
Счастье не признает опозданий.

Это все, как ненужную ношу,
На дороге, на чьем-то пороге,
На тропинке натопанной сброшу
Всем грядущим прохожим под ноги.

Словно тот, кто бесчетные годы
Плащ таскал, чтоб от мира укрыться,
Расстегнул его и — на свободу,
Как на крыльях парящая птица.

Фернандо Пессоа как Альберту Каэйру

Из цикла «Пастух»

Я пастух, стерегущий стадо

Я пастух, стерегущий стадо.
Ну а стадо — это мои мысли,
Ну а мысли — это мои чувства.
Я глазами мыслю и ушами,
И руками, и ногами,
И губами, и ноздрями.
Постигать цветок — видеть его и нюхать,
Плод съедать — познавать его сущность.
Вот поэтому в жаркий полдень
Жалко мне просто так употребить его в пищу.
Но ложусь я на траву, во весь рост растянувшись,
Закрываю глаза обожженные,
Чувствую целиком свое тело лежащее,
И я знаю истину, и я счастлив.

Здравствуй, пастух

«Здравствуй, пастух,
Здесь, на обочине дороги,
Что тебе говорит веющий ветер?»
«Что он ветер, что он веет,
Что веял и раньше,
Что будет веять и дальше.
Ну а тебе самому что говорит он?»
«Много чего, много больше того, что назвал ты.
О многом другом он говорит мне.
О том, что я помню, о чем я тоскую,
О том, чего никогда не случалось».
«Никогда ты не слышал веющий ветер.
Ветер говорит только о ветре.
А то, что тебе послышалось, было обманом —
И этот обман — в тебе».

У этой сеньоры есть пианино

У этой сеньоры есть пианино,
Такая прелесть, но это не речное журчанье,
Не шелест, который деревья рождают...
Зачем же нужно иметь пианино?
Лучше иметь уши
И ценить Природу.

Пастухи Вергилия

Пастухи Вергилия играли на свирели и на других инструментах
И о любви по-книжному пели.
(Кстати, я никогда не читал Вергилия.
Да и на кой мне читать его было?)
Ведь пастухи Вергилия, бедолаги, и есть сам Вергилий,
Тогда как Природа прекрасна и вечна.

Сделать бы так

Сделать бы так, чтобы жизнь моя была повозкой, запряженной быками,
Которая катит, скрипя, с утра пораньше по дороге
И которая возвращается назад, громохвая боками,
Почти уже в сумерках по той же самой дороге.
Мне не нужно было бы надежд — нужны были бы только колеса...
Старость моя не имела бы ни морщин, ни седины, ни дряхлого шага,
А когда я отслужил бы свое, с меня сняли бы колеса
И лежал бы я брошенный и разбитый на дне глубокого оврага.

Лунный свет

Когда падает лунный свет на лужайку,
Невдомек мне, что придет мне на память...
Мне приходит на память голос няни старой,
Певшей песни сказочных фей мне когда-то.
Как ходила Богоматерь, нищенкой одета,
По дорогам ночным, после заката,
Приходя на помощь обиженным ребятам...
Если я больше не в силах думать, что это правда,
Для чего лунный свет падает на лужайку?

Прочитал сегодня

Прочитал сегодня почти две страницы
Книжки одного поэта-мистика,
И смеялся так, как иной рыдает.
Ах, поэты-мистики — большие философы,
Ах, философы — люди ненормальные.
Потому что поэты-мистики утверждают, что цветы чувствуют,
И утверждают, что камни имеют душу
И что реки впадают в экстаз в лунном свете.
Но цветы, испытывай они чувства, не были бы цветами,
А людьми они были бы;
Да и камни, имей они душу, были бы существами живыми, а не камнями;
Ну а реки, впадай они в экстаз в лунном свете,
Реки были бы людьми ненормальными.

Вовсе не нужно знать, что такое цветы, камни и реки,
Чтоб говорить об их чувствах.
Говорить о душе камней, рек и цветов —
Говорить о себе самом, о своих ложных мыслях.
Слава Богу, что камни есть камни,
И что реки не что иное, как реки,
И цветы — лишь цветы, не больше.
По мне, я творю из стихов моих прозу,
И я доволен,
Потому что знаю, что понимаю Природу снаружи;
И не понимаю ее «изнутри»,
Потому что нет у Природы никакого «изнутри»;
Иначе она не была бы Природой.

Если я порой говорю, что цветы улыбаются

Если я порой говорю, что цветы улыбаются
(А еще я мог бы сказать, что реки поют),
То это не потому, что я полагаю, что есть у цветов улыбки
И песни в журчании рек...
А потому, что так я могу вернее внушить людям, привыкшим к обманам,
Что существование рек и цветов — и, правда, реальность.
Потому что порой наступаю на горло собственной песне,
Для того чтобы меня читали те, кто в чувствах неразвит...
(Я не противоречу себе, я только оправдываюсь)
Потому что это очень серьезное дело — быть толмачом Природы,
Потому что есть люди, которые не понимают ее языка,
Из-за того, что нет у нее языка никакого.

Свет луны

Свет луны сквозь высокие ветки,
Утверждают поэты, есть нечто большее,
Чем свет луны сквозь высокие ветки.
Но для меня, не знающего тягот размышлений,
Свет луны сквозь высокие ветки,
Помимо того, что он и есть
Свет луны сквозь высокие ветки,
Не является ничем большим,
Чем свет луны сквозь высокие ветки.

